

УДК 94:631 (571.17)

А.Ю. Викторов

**ДОХОДЫ КОЛХОЗНИКОВ КУЗБАССА ОТ ОБЩЕСТВЕННОГО ХОЗЯЙСТВА
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

В условиях Великой Отечественной войны колхозы Кузбасса, как и всей страны, выполняли главную задачу снабжения фронта и тыла продуктами питания и сырьем для промышленности. Эта задача решалась за счет резкого снижения уровня жизни сельских тружеников. Доходы колхозников от общественного хозяйства сокращались в течение всей войны. Стоимость трудодня снизилась в 2–3 раза. Основным источником жизнеобеспечения крестьян стало личное подсобное хозяйство.

Ключевые слова: Кузбасс, колхозное крестьянство, трудодни.

На территории СССР, временно оккупированной немецко-фашистскими захватчиками к ноябрю 1941 г., до войны проживало около 40 % населения страны, производилось 38 % всей валовой продукции зерна, 84 % всего сахара, находилось 38 % всей численности крупного рогатого скота и около 60 % всего поголовья свиней [1. С. 42]. В связи с потерей важных сельскохозяйственных районов возросла роль восточных территорий, в том числе Кузбасса, в обеспечении фронта и тыла продуктами питания и необходимым сырьем для промышленности. Кемеровская область (Кузбасс) была выделена из состава Новосибирской области и обрела статус самостоятельного региона в 1943 г. Накануне войны в районах, составивших Кемеровскую область, насчитывалось 1636 сельхозартелей, объединявших 87 447 крестьянских дворов. В 1940 г. в колхозах Кузбасса проживало более 367 тыс. чел. [2. Л. 3. 8].

В соответствии с официальной концепцией социалистического развития основу жизнеобеспечения колхозников в довоенное время составляли доходы от общественного хозяйства – деньги и натуральные продукты, распределяемые по числу заработанных трудодней. Согласно Уставу сельхозартелей, колхозники должны были получать на трудодни довольно широкий ассортимент продуктов, в том числе зерно, овощи, картофель, мясо, молоко, мед. Кроме этого, полагалось выдавать сено, солому, полосу, мякину. По подсчетам исследователя Ю.В. Арутюняна, в целом по стране общественное хозяйство удовлетворяло потребности колхозников в зерне на 90 % [3. С. 341]. Конечно, доходы колхозников и накануне войны были низкими. В 1940 г. в среднем по колхозам Кузбасса на трудодень выдавалось 1,59 кг зерна, 0,33 кг картофеля и 0,92 руб. деньгами [2. Л. 6, 8, 13]. Начавшаяся война внесла существенные коррективы в жизнь колхозной деревни. В регионе со-

кратилось число колхозов и колхозных дворов. Значительно уменьшилось количество трудоспособного населения деревни. Особенно резко сократилось по понятным причинам мужское население сельхозартелей: с 77452 чел. в 1941 г. до 20742 чел. в конце 1944 г. [2. Л. 8, 13]. Еще в предвоенный период с целью «более полного вовлечения взрослого населения в общественное производство» Постановлением ЦК ВКП(б) от 27 мая 1939 г. для колхозников был установлен обязательный минимум трудодней (в Сибири он составлял 80 трудодней) [4. С. 310].

В апреле 1942 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли Постановление «О повышении для колхозников обязательного минимума трудодней». В соответствии с новым постановлением годовой минимум трудодней повышался с 80 до 120. Годовой минимум трудодней соотносился с тремя периодами сельскохозяйственных работ (весенне-полевые работы, прополка, уборка урожая), и для каждого устанавливалось определенное количество трудодней. Впервые нормативно был установлен обязательный минимум для подростков – членов семей колхозников в возрасте от 12 до 16 лет (50 трудодней без разбивки по периодам). В документе указывалось, что эта мера должна «содействовать трудовому воспитанию подростков», позволяя им сочетать труд и учебу в школе, снижая возможность совершения преступлений. Истинная причина введения этой правовой нормы совершенно очевидна – острая нехватка рабочих рук в деревне. В целом повышение минимума трудодней объяснялось необходимостью «обеспечить более высокий урожай и дальнейшее развитие животноводства; а колхозникам – более высокие доходы по трудодням, а также в целях обеспечения страны и Красной Армии достаточным количеством продовольствия».

В годы войны были существенно изменены

меры репрессивно-административного воздействия на членов сельхозартелей. Если трудоспособные колхозники без уважительных причин не выработывали обязательный минимум трудодней, их должны были по приговору народного суда привлекать к исправительно-трудовым работам в колхозах на срок до 6 месяцев с удержанием 25 % трудодней в пользу колхозов. Сохранялась в силе юридическая норма о том, что колхозники, не выработавшие обязательного минимума трудодней, исключались из сельхозартелей и лишались приусадебных участков. Руководители коллективных хозяйств, проявлявшие «мягкотелость» по отношению к нарушителям трудовой дисциплины и пытавшиеся скрыть факты невыполнения нормы трудодней, подлежали судебной ответственности [5. С. 3–4].

Во исполнение данного постановления наркомат юстиции в июне 1942 г. издал специальную инструкцию «Порядок отбывания исправительно-трудовых работ колхозниками, осужденными за невыполнение обязательного минимума трудодней», предварительно согласовав ее с Наркоматом земледелия и НКВД СССР. Был разработан и отпечатан типовой бланк привлечения колхозников к принудительным работам. В бланк оставалось только внести фамилию конкретного колхозника и поставить дату. Контроль за «своевременным и правильным» исполнением приговоров народных судов правлениями колхозов возлагался на инспекции исправительно-трудовых работ НКВД. Вместе с тем в приказе наркомата юстиции СССР № 55 от 4 июля 1942 г. подчеркивалось, что суды не должны принимать к рассмотрению дела о невыполнении обязательного минимума трудодней колхозниками старше 55 лет и подростками до 16 лет. К этим категориям сельских тружеников рекомендовалось применять меры воздействия, предусмотренные в Уставе сельхозартели (предупреждение, выговор, порицание на общем собрании, штраф в размере до 5 трудодней и др.) [6. Л. 12–20]. Этот суровый закон военного времени еще раз подчеркивал принудительный характер труда в колхозах. Ужесточение трудовой дисциплины стало рассматриваться властью как решающий способ возмещения растущего дефицита рабочей силы в общественном хозяйстве.

Архивные документы свидетельствуют, что средняя годовая выработка трудодней в колхозах Кузбасса выросла с 270 в 1940 г. до 300 в 1944 г. Мужчины в сельхозартелях региона перед войной выработывали в среднем 343 трудодня, а в 1944 г. – 403. Если до войны женщины-колхозницы в среднем имели по 202 трудодня, то в

1944 г. – 274. Удельный вес трудоспособных колхозников, не участвовавших в артельном производстве, существенно снизился. Если в 1940 г. в Кузбассе он составлял 7,5 % от общего количества колхозников, то в 1942–1943 гг. всего лишь 0,5–0,8 %. Уменьшилось и абсолютное количество колхозников, не участвовавших в общественном производстве, – с 3529 чел. в 1940 г. до 2107 в 1945 г. Однако, по сравнению с довоенным периодом, вырос удельный вес колхозников, не выполнивших установленного минимума трудодней. Вместе с тем анализ данной категории тружеников показывает, что основную массу колхозников, не выработавших минимум трудодней, составляли женщины, подростки и нетрудоспособные: в 1943 г. – 83 %, в 1944 г. – 87,5 %, в 1945 г. – 88,4 %. Трудоспособные мужчины составляли в этой категории 1,6 % в 1943 г., 2,1 % в 1944 г., 3,4 % – в 1945 г. [7. Л. 31–35].

Из этого следует, что увеличение удельного веса колхозников, не выработавших норму трудодней, было вызвано не ростом действительного количества таких тружеников, а общим снижением численности трудоспособного крестьянского населения, в первую очередь трудоспособных мужчин, основная часть которых была призвана на фронт. Сокращение количества трудоспособного населения колхозов Кемеровской области вызвало и уменьшение общего числа выработанных трудодней. Если в 1940 г. в колхозах Кузбасса было выработано 49936136 трудодней; то в 1945 г. только 41588304, т.е. на 17 % меньше [2. Л. 5, 12, 24, 30].

В 1943–1945 гг. из колхозов Кемеровской области было исключено по разным причинам 4447 чел., в том числе 1783 чел. – за невыполнение установленного минимума трудодней [2. Л. 5, 12, 24, 30]. В Кузбассе насчитывалось более 1,6 тыс. сельхозартелей. В среднем по одному человеку в колхозе подверглись карательным санкциям. Следует отметить неравномерность применения карательных санкций по колхозам. К примеру, на 1 декабря 1942 г. в колхозе «Путь новой жизни» Мариинского района 36 колхозников (включая подростков) не выработали годовой минимум трудодней. Ни один из них не был привлечен к судебной ответственности. Напротив, в сельхозартели им. Парижской коммуны этого же района по итогам первого периода 20 чел. почувствовали на себе силу закона [5. 1943. № 1–2. С. 19–20]. В подобных случаях очень много зависело от позиции колхозного руководства.

Осужденные члены сельхозартелей продолжали работать в колхозах, не получая полной опла-

ты, лишались на период наказания права пользования усадьбой. Однако усадьба закреплялась (по Уставу сельхозартели) не за отдельным колхозником, а за колхозным двором. Чтобы уберечь усадьбу, достаточно было одному из членов семьи сохранить на нее право. Чаще всего наказание сводилось к удержанию 25 % заработанных трудодней. Повторное нарушение закона каралось более строго. Исправительные работы осужденные должны были выполнять вне колхоза под присмотром органов НКВД. Но, как правило, до этого дело доходило редко. Первый приговор оказывался суровым предупреждением, и не только для осужденных.

Кроме этого, анализ документов показывает, что местные органы власти на практике считали нецелесообразным в условиях войны производить изъятие работников из общественного производства. Это было бы слишком расточительно по отношению к весьма ограниченным трудовым ресурсам деревни. Гораздо рациональнее и эффективнее было поставить колхозников, не выполнивших обязательного минимума трудодней, перед угрозой судебной репрессии и заставить их «искупать вину» трудом в собственных колхозах. Разумеется, административно-репрессивные меры были не единственным средством укрепления порядка в колхозах. Нельзя забывать об агитационно-массовой работе в деревне, развитии социалистического соревнования, поощрении передовиков производства и др. В годы войны результативность коммунистической пропаганды и агитации определялась тем, что лозунг «Все для фронта, все для победы» совпадал с исконным патриотизмом российского крестьянства.

За пять месяцев 1942 г. (июнь – октябрь) народными судами РСФСР было рассмотрено 151092 дела о колхозниках, не выработавших минимума трудодней. Из них по 34123 делам (22,6%) уголовное преследование было возбуждено неправильно. Опираясь на эти сведения, исследователи М.А. Вылцан и В.В. Кондрашин пришли к выводу: «Приведенные факты ставят под сомнение распространенные в литературе клише и штампы о «массовом трудовом героизме крестьян», «жертвенном подвиге деревни» в годы войны. Да, многие тысячи, десятки тысяч крестьян трудились, не жалея сил для обеспечения фронта всем необходимым, но зачем было вводить обязательный минимум трудодней? Крестьяне, безусловно, осознавали неизбежность тягот и лишений, вызванных войной, но, пожалуй, в большей степени в их отношении к труду действовал страх наказания за невыполнение своего «долга», приказа центрального и местного начальства» [8. С. 54]. Этот вывод вызы-

вает серьезные возражения. Исследователям не могли не знать, что большинство трудоспособных колхозников выполняли и перевыполняли нормы выработки трудодней. В 1942 г. в Сибири, например, по разным причинам не выполнили минимума трудодней 6,2 % колхозников [9. С. 101]. Случаев откровенного уклонения от труда было мало, подобные факты сурово осуждались, прежде всего, самими колхозниками и пресекались органами власти. Большинство трудоспособных колхозников (64 %) выработывали по 200–300 трудодней; в том числе 20 % имели от 301 до 400 трудодней. В среднем выработка каждым трудоспособным колхозником Сибири в 2 – 2,5 раза превышала обязательный минимум трудодней, установленный правительством [10. С. 137–138]. За этими цифрами – боль и горечь, тяготы и лишения колхозников, величайшее напряжение сил и жертвенный подвиг, совершенный вовсе не из страха перед законом и «начальством», а ради достижения общей победы над врагом.

Сюжет о выработке трудодней в колхозах Кузбасса не будет полным, если не обратить внимание на значительное увеличение доли трудодней, начислявшихся административно-управленческому персоналу. Болезнь государственного и хозяйственного аппарата – разбухание штатов, бюрократизм – проникла в сельхозартели еще в период коллективизации и организационно-хозяйственного укрепления колхозов. В 1930-е гг. на самом высоком уровне было установлено, что административно-управленческие расходы в колхозах не должны превышать, как правило, 8 % от общего числа выработанных трудодней. Органы партийного и советского контроля требовали пересмотреть и сократить управленческий аппарат, снять с оплаты за счет колхозов лиц, не имеющих отношения к колхозному производству [11. С. 82–84]. Несмотря на вводимые запреты, доля трудодней колхозных чиновников в сельхозартелях Кузбасса в годы войны выросла с 4572010 в 1940 г. до 6021975 в 1945 г., т.е. с 9 до 15 % от общего числа трудодней, заработанных колхозниками [2. Л. 5, 12, 24, 30]. Документы свидетельствуют, что в 1943 г. только 264 колхоза Кузбасса начисляли управленцам менее 8 % от общего числа трудодней. В 1299 колхозах допустимая норма была значительно превышена [12. Д. 272. Л. 8]. Итак, рост общего числа трудодней, заработанных в годы войны каждым колхозником, сомнения не вызывает. Однако повышение трудовой активности отнюдь не сопровождалось «более высокими доходами по трудодням», как это декларировалось в партийных документах.

Печально известная «первая заповедь» колхозников, навязанная труженикам деревни еще в

1930-е гг., гласила, что хлеб и другую сельскохозяйственную продукцию колхозы должны сдавать государству беспрекословно, в первую очередь и строго по планам, составленным, разумеется, самими властными структурами. Кроме того, колхозы должны были оплатить натуральными продуктами работу государственных машинно-тракторных станций, в обязательном порядке засыпать семенные, страховые и иные фонды. Планы хлебозаготовок и натуроплаты составлялись на основе так называемой «видовой» оценки урожая (на корню) и изначально были на 20–25 % выше фактического сбора зерна. ЦК ВКП(б) и правительство разрешали сельхозартелям до полного расчета с государством выдавать колхозникам авансом на трудодни не более 15 % от сданного хлеба. Часто аванс становился и окончательным расчетом с колхозниками за их труд в течение сельскохозяйственного года, так как 85 % урожая уходило на государственные хлебозаготовки, натуроплату за работу МТС и др. Все, что оставалось после обязательных и необходимых отчислений, распределялось между колхозниками по количеству заработанных трудодней.

Средний размер оплаты трудодня в колхозах региона в годы войны сократился по всем показателям. Так, зерновое содержание трудодня в колхозах Кузбасса сократилось с 1,59 кг накануне войны до 0,48 кг в 1945 г., то есть до одной трети довоенного уровня. В 1943 г. 62,8 % колхозов Кузбасса, а в 1945 г. – 58,9 % выдавали своим труженикам менее 0,5 кг зерна на трудодень, а 6 колхозов области вообще не распределяли зерно на трудодни [13. С. 399–400]. Выдача зерна на трудодень в колхозах региона была ниже, чем в целом по стране (в 1945 г. средняя оплата трудодня по колхозам СССР составляла 0,7 кг зерна). Кроме того, необходимо учитывать (и согласиться с мнением исследователя Ю.В. Арутюняна), что статистические данные относятся к продукции, «определенной к выдаче», а не выданной фактически. Реально колхозники получали только около 80 % «определенного к выдаче» зерна [3. С. 339].

В отдельных районах ситуация с хлебом была крайне тяжелой. Например, в докладной записке заведующего Тисульским районным земельным отделом от 20 февраля 1945 г. на имя руководителей Кемеровской области сообщалось о критическом положении в снабжении хлебом ряда сельхозартелей района. Колхозы «Заря», «Седьмое Ноября», «Вперед», «Красный орден», «Красная заря», «им. Кирова», «Красный путиловец», «Гигант», «Революция», «им. Ворошилова», «им. Буденного», «Красный луг», «Красный победитель» не имели никаких запасов зерна, кроме семенных

фондов. Эти колхозы были обеспечены семенами на 37–48 %. На трудодни распределялось всего от 60 до 250 г. Этого хватило в большинстве колхозов выдать заработок трактористам. В колхозе «Заря», например, на 100 хозяйств (389 чел.) было выдано 5–6 ноября 1944 г. всего 7 центнеров зерна, и с того времени хлеб не выдавался. Крестьяне питались исключительно картошкой и молоком из личного подсобного хозяйства [7. Оп. 1. Д. 304. Л. 20].

В годы войны в два с половиной раза уменьшилась выдача картофеля колхозникам в качестве оплаты за труд в общественном хозяйстве. Если в 1940 г. колхозники региона в среднем получали на трудодень 0,33 кг картофеля, то в 1943 г. – 0,28, а в 1945 г. – только 0,128 кг [12. Д. 272. Л. 10]. Это было меньше, чем в других районах страны (в 1945 г. на трудодни в целом по СССР выдавалось 0,26 кг картофеля) [3. С. 339]. За этими средними по области цифрами просматривается довольно пестрая, в какой-то мере причудливая картина распределения картофеля на трудодни в колхозах Кузбасса. Дело в том, что в 1943 г. 1367 колхозов, а в 1945 г. 1240 колхозов (в обоих случаях абсолютное большинство) вообще не распределяли картофель на трудодни. В 1943 г. только 196 колхозов области, а в 1945 г. – 405 выдавали своим труженикам картофеля от 0,5 до 5 кг на трудодень [12. Д. 148. Л. 18, 43]. Судя по всему, статистики из областного земельного отдела, не мудрствуя лукаво, делили эти килограммы на количество трудодней в колхозах области и выходили на средний показатель. Как бы там ни было, сокращение выдачи картофеля на трудодни очевидно. Денежная составляющая колхозного трудодня несколько выросла в течение войны – с 0,92 руб. в 1940 г. до 1,04 в 1945 г. [2. Л. 5, 12, 24, 30]. Выдача денег на трудодень в Кузбассе была выше, чем в целом по СССР (оплата трудодня по стране составляла в 1945 г. 0,85 р.) [3. С. 339]. В реальном измерении войны это увеличение не могло сказаться на уровне жизни колхозников из-за инфляции, дефицита и дороговизны товаров народного потребления.

Из архивных документов следует, что 61 % колхозов области в 1943 г. и 63 % в 1945 г. выдавали на трудодни менее 1 руб., а 119 колхозов в 1943 г. и 89 – в 1945 г. (соответственно, 7 % и 5 %) не выдавали денег на трудодни вообще [12. Д. 272. Л. 10; Д. 148. Л. 184]. Поскольку колхозы оплачивали трудодни после погашения задолженностей перед государством и МТС, то порой значительные расхождения в размерах денежной оплаты трудодня объясняются рядом причин: урожайностью, наличием или отсутствием задолженности,

эффективностью руководства и др. Некоторые колхозы Кузбасса, исходя из собственных ресурсов и возможностей, распределяли на трудодни и другую продукцию сельского хозяйства. Обращает на себя внимание значительное увеличение числа колхозов, которые стали выдавать на трудодни сено, солому, мякину, полову. Итак, в 1945 г. среднестатистический колхозник Кузбасса получал на трудодень 1,04 руб. деньгами, 0,48 кг зерна, 0,128 кг картофеля, 0,18 кг овощей, 0,125 кг сена, 0,246 кг соломы, половы, мякины, 0,004 кг молока, 0,002 кг мяса [2. Л. 5, 12, 24, 30, 34]. Считая такое положение ненормальным, партийные и советские органы Кузбасса в рамках, разрешенных постановлениями Совнаркома СССР, практиковали премирование колхозников за перевыполнение плановых заданий. При этом устанавливалось, что выдача дополнительной оплаты (премии) должна производиться только после выполнения обязательных поставок государству. В 1943 г. 728 колхозов Кузбасса премировали работников молодняком скота, 279 – молоком, 14 – мясом, 68 – шерстью, 84 – медом, 24 – яйцами, 7 – деньгами [12. Д. 272. Л. 9]. В 1945 г. премирование колхозников молодняком скота проводили только 64 сельхозартели, молоком – 97, мясом – 3, шерстью – 18, медом – 44 [12. Д. 148. Л. 184]. Конечно, это были всего лишь разовые акции, которые не могли существенно повлиять на материальное положение крестьянства.

Таким образом, общественное хозяйство в деревне в годы войны продолжало играть ведущую роль. Степень коллективизации сельского хозяйства не уменьшилась. По-прежнему основную часть рабочего времени колхозники отдавали труду в колхозе, а женщины больше, чем до войны, вовлекались в общественное производство и играли в нем особенно активную роль. Колхоз (а через него и государство) определяли весь уклад жизни

крестьянина. Общественные формы организации труда (бригады, звенья) сохранялись. Трудовая дисциплина в сельхозартелях основывалась на понимании колхозниками задач военного времени и подкреплялась методами государственного принуждения. Трудовая активность колхозников Кузбасса в годы войны возросла. Однако несмотря на очевидный рост выработки трудодней, доходы колхозного крестьянства от общественного хозяйства снижались на протяжении всей войны. Общественное хозяйство не обеспечивало прожиточный минимум колхозников. Основным источником самоснабжения крестьян продуктами питания стало личное подсобное хозяйство.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вознесенский Н.* Военная экономика СССР в период Великой Отечественной войны. М., 1947.
2. *ГАКО* (Государственный архив Кемеровской области). Ф. Р-782. Оп. 1. Д. 20.
3. *Арутюнян Ю.В.* Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1970.
4. *Важнейшие* решения по сельскому хозяйству за 1938–1946 гг. М., 1948.
5. *Социалистическое* сельское хозяйство. 1942. № 5.
6. *ГАНО* (Государственный архив Новосибирской области). Ф. 4. Оп. 6. Д. 234.
7. *ГАКО*. Ф. 75. Оп. 2. Д. 105.
8. *Вылцан М.А., Кондрашин В.В.* Патриотизм крестьянства / Война и общество. М., 2004. Кн.2.
9. *Подвиг* земли богатырской: Сибирь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1970.
10. *Анисков В.Т.* Колхозное крестьянство Сибири и Дальнего Востока – фронту. 1941–1945 гг. Барнаул, 1966.
11. *Справочник* партийного работника. М., 1934. Вып. 8.
12. *РГАЭ* (Российский государственный архив экономики). Ф. 7486. Оп. 7. Д. 272.
13. *Викторов А.Ю.* Документы Государственного архива Кемеровской области (ГАКО) как источник изучения личного подсобного хозяйства крестьянства Кузбасса в годы Великой Отечественной войны // Документ в системе социальных коммуникаций: Сборник материалов III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Томск, 2008.